

ОСТРОВОВ В ОКЕАНЕ

Долгие годы – так ей казалось из-за бесконечной полярной ночи – от него не приходили письма, хотя обслуживаемая ею в отсутствие мужа метеостанция делила помещение с почтой...

Муж был ссыльным, вмененная ему статья содержала подпункт о призывах к свержению существующего строя. После возвращения из следственного изолятора здоровье его было плохим. Одна нога почти не слушалась. Да и боли в позвоночнике не проходили. На допросах муж никого не оговорил и по своему делу пошел в ссылку один. Ночами он часто просыпался, пил крепкий чай, стараясь не греметь чайником и жестяной кружкой, о чем-то вспоминал или думал, склонив голову, для ее успокоения разворачивая на обструганных досках стола журнал ежедневных наблюдений. Ее он берег и ночных дум никогда не рассказывал. Да она и не расспрашивала, зная, что он не ответит, лишь отшутится. Лучше всех приборов, выставленных на высоких сваях позади домика всем ветрам, из коих преобладал лютый северный, он знал о надвигающихся переменах погоды. Организм стал восприимчив к перепадам давления. За два дня у него начинались боли в поврежденных суставах. Он не мог спать, был не в силах найти удобное положение, в котором сможет забыться. Оттого и сидел над тусклым, мерцающим на кончике фитилька огоньком коптилки и рисовал простым карандашом на оберточной бумаге.

Экзотических зверей в тропических лесах, на берегах рек, в зарослях диковинных растений поутру с восторгом рассматривала их дочь, расспрашивая о неведомых землях. Ведь за слюдяным от морозной наледи окном лежал лишь снег, кружили снежные вихри, торчали торосы, неизменно неистово облизываемые свинцовыми волнами угрюмого серого безбрежья океана под белесым небом, если наступало время короткого полярного дня. Еще он радовал дочь бумажными самолетиками со звездами на острых крыльях. С таких же маленьких, как птицы, самолетов с небес иногда падали мешки с почтой, что являлась связующим звеном с Большой землей. Тогда муж обязательно ходил на поиски груза с совсем юной почтальоншей. Но обычно корреспонденцию доставлял военный катер. Кроме их семьи – она, муж, пятилетняя дочь, – в домике, на половине почты, еще проживала девушка-почтальон. А вот если обойти поочередно три каменные гряды, двигаясь неизменным курсом на норд-норд-ост, то можно выйти к зенитной батарее, где служили матросы. Им и носила письма девушка-почтальон. С ней прогуляться она часто отпускала дочь, утепленную, как капуста, в многослойные одежды, когда из замotanного шерстяным шарфом лица выглядывали лишь остренькие карие глазки, на ресницах которых образовывался иней. Смена отряда моряков

Младший братик был совсем мал и не мог участвовать в играх с сестренкой, но та любила его укачивать в сделанной мужем из разбитой деревянной бочки колыбели, тихо напевая песенку, разученную с граммофонной пластинки. Несмотря на присутствие других людей на безымянном острове, их было только двое в этом белом безмолвии: девочка и мама...

на новую многомесячную вахту также приходила катером, а до той поры светлым пятном в ночи для служивых ребят служили принесенные девчухами убористо исписанные белые листки бумаги из далеких, покинутых городов и сел, где жили и выживали близкие в тяжелое время лихой войны, неся бремя тягот. Больше на заполярном острове никого не было. Только белые медведи иногда заходили – то ли в поисках пищи, то ли приключений, ведомые любопытством.

А потом и ее мужа призвали в армию.

Война добралась в своей неумолимой жадности до калек. Его отправили на Северный флот, корреспондентом в газету, и вот теперь она ждала писем, которые собиралась читать дочери. И еще ждала писем от сестры, которая забрала на материк ее сынишку. Младший братик был совсем мал и не мог участвовать в играх с сестренкой, но та любила его укачивать в сделанной мужем из разбитой деревянной бочки колыбели, тихо напевая песенку, разученную с граммофонной пластинки. Несмотря на присутствие других людей на безымянном острове, их было только двое в этом белом безмолвии: девочка и мама...

Наконец, предновогодним днем, ничем не отличающимся от ночи, письмо пришло.

Извещение на казенной серой бумаге с лиловым штампом и неразборчивой подписью, которую она тут же размыла капающими слезами. Муж пропал без вести. Оставляя возможность думать, что он просто не найден среди разрушений после очередного налета вражеской авиации, что он ранен и вскоре будет помещен в госпиталь и от него вновь начнут приходить бодрые письма с неизменным маленьким рисунком на полях для дочери. Можно было бы даже согласиться с тем, что мужа опять арестовали и он в тюрьме или даже в лагере. Веря, что он жив.

Сегодня с боем курантов из громкоговорителя должен был наступить праздник – Новый год. У их семьи был патефон. Единственное развлечение на затерянном в океане кусочке суши. Если не считать возможность для матросов встретиться и пообщаться с женщинами, заглянув по пути на метеостанцию и почту во время патрульного обхода острова, совершаемого по предписанию начальства. Они заходили пить чай, принося гостинцы. Сделанная мужем из консервной банки коптилка освещала улыбающиеся лица, в доме вновь звучал смех, разговоры и неутолимые слова мечты о счастливых временах после победы.

Отметить Новый год уговорились давно.

На крыльце послышались звуки гулко отбиваемого с валенок снега, шум и голоса на половине почты. Она быстро вытерла слезы и, не желая портить ни в чем не повинным ребятам чаемый праздник, принялась хлопотать. Успела быстро развести хранимый в сундуке спирт для протирки деталей метеорологических приборов, как ввалилась гурьба мужчин в форме и окружила раздумывавшую девушку-почтальона. Матросы принесли свои пайки. Все свободные от несения службы собрались на их половине домика. Дочку поочередно качали и подбрасывали в воздух, бережно спуская на пол и передавая следующему, желающему прикоснуться к ребенку, доставив радость от взмывания вверх под потолок, которого можно коснуться вытянутой ручкой. Две первые пары, выбранные жребием, с ожиданием остальными матросами законной очереди, собрались танцевать. Она опустила лицо, будто бы рассматривая носки специально обутой туфель, чтобы не так заметны были красные, припухшие веки, замерла напротив радостного молодого морячка, приготовившись вальсировать. Пробыли двенадцать куранты, донеся до заброшенных на затерянный в океане остров людей голос столи-

цы. Мичман с глубокими морщинами на щеках зажег приберегаемую для особых случаев керосиновую лампу и начал аккуратно заводить ручку патефона, как вдруг в недрах устройства с протяжным, вибрирующим звоном лопнула пружина.

Ужас, смещение, даже горе ожидающих коротких радостных минут людей невозможно описать. Все замерли, не понимая, как им жить дальше. Время вмиг остановилось.

И тут ее малютка взяла сколоченный для нее отцом из планок ящиков стульчик, вынесла на середину избы, встала на него и тоненьким и чистым голоском запела одну за другой песни, не раз слышанные ранее на их двух пластинках, которые сама любила ставить на круг, надевая на стальную ось. И под ее высокий голосок матросы по очереди танцевали с девчушкой-почтальоном и мамой. Вальс и танго, вальс и танго.

А она все время кружения в танце думала о загаданном желании – увидеть мужа живым...

Прошел год, закончилась война, и она с дочерью вернулась на материк в свой город. Квартира, где они некогда жили семьей, давно была занята другими людьми, еще с ареста мужа. И они стали жить вдвоем с дочкой в предоставленной комнатке в общежитии рядом с заводом, куда она пошла работать.

Сынишка заболел крупозным воспалением легких. Вчера пришло известие от сестры, и теперь они шли на почтамт, чтобы дать ответ. Приехать не было никакой возможности. Нужно было собирать малышку в школу, да и с работы ее никто бы не отпустил. Оставалось лишь надеяться, что нужно еще потерпеть – и они все же будут жить все вместе, втроем.

Солнечный летний день хотел согреть лучами тепла. Дочка, не ведая ни о чем, весело катила впереди маленькую детскую коляску с заботливо уложенной спать куклой. Это был ее малыш – мальчик. И тут навстречу с гиканьем пронеслись на велосипедах два сорванца и, сделав резкий вираж, свернули в подворотню. Дочка задержалась, отстав. Не смея зайти во двор высотного дома, прильнула к прутьям решетки ворот, позвав мальчишек просящим голоском:

– Мальчики, мальчики...

Те разом обернулись, но, увидев малышку, махнули руками и со смехом унеслись дальше. Продолжая стрелять из воображаемых пистолетов.

Притихшая девочка стояла у решетки, наблюдая за удаляющимися ребятами, пока она, потеряв ее из виду, не окликнула:

– Аня, ты где?! Быстро сюда! Я думала, я тебя потеряла...

И дочка поплелась за мамой, катя перед собой коляску и продолжая оглядываться через плечо, покуда был виден двор, где пропали ее мальчики. В надежде, что те выедут на велосипедах на улицу и они снова встретятся.

Она же торопилась на почту и тоже продолжала надеяться.

РУССКАЯ МАМА

Отчего этот поселок на берегу моря назывался Русская Мама, с ударением на последний слог, а не на первый, что было бы естественным, он не знал. Но необычное название ему очень понравилось.

Он много чего тогда еще не знал в той жизни, куда пришел семь лет назад. Не понимал он до конца, и почему родители уезжали из этой удивительной бухты такими грустными. Но был уверен, что они сердятся друг на друга. А мама так, скорее всего, даже не могла простить за что-то папу. Который откровенно злился, как и всегда при размолвках, когда не мог пробиться к маме, которая становилась как-то меньше, но тверже, слегка сутулилась и на несколько дней замолкала.

Не знал он и того, что рядом с Русской когда-то была и Татарская Мама. И хотя маминих родных в конце войны, послушных неумолимой воле, ука-зующей вдаль согнутым крючком перста, выселили не отсюда, а из Джанкоя, гораздо позже он подумал, что, наверное, ей больно было смотреть на пустое пространство, где смех и голоса детства звучали только в ее памяти. Мама мамы и сестра умерли, не доехав до Казахстана. Их похоронили где-то непо-далеку от рельсов, в тупике неизвестной маленькой станции. А мама только переболела сильно и выжи-ла, ее выходили в детском доме. Где она и получила русское имя. Папа же мамы, вернувшись из немец-кого плена, куда попал после окружения в начале

войны, отправился уже в советский лагерь. Но умер не там, а когда вышел и не смог найти родных. Серд-це не выдержало. Так мама и осталась одна. Пока не встретила его папу. Оттого она больше всего на свете боялась потерять близких. Нас с папой.

Даже сейчас, несмотря на хмурые лица, родители оставались молодыми и самыми красивыми. Он и сам это видел, и об этом неоднократно говорили раз-ные люди, знакомые и незнакомые. Многие из них еще удивлялись, что он совсем не похож на маму. Все отчего-то считали это странным и нехарактер-ным. Ведь мама такая чернявая и черноглазая, а он уродился в светловолосого и голубоглазого папу. Словно бы приготовился всю жизнь провести на се-вере, никогда не возвращаясь на мамину родину, в Крым.

Это было первое их столь далекое путешествие после покупки папой машины. Они добирались не-сколько дней, дважды ночуя в пути у знакомых.

Здесь на долгожданном, отпускном для родите-лей, жарком юге все было просто замечательно.

В чудесный мир они переправились в полутемном чреве неповоротливого кита, в пропахшем запахами моторного масла и мазута гулком железном пароме, где огромные грузовики и маленькие легковушки спрессовались в единую, неделимую массу. Выпу-стили их к новому свету уже в Керчи, где на окраи-не, в каком-то Аршинцево, к ним в машину подсели

добродушный остряк дядя Юра и его жена тетя Лида, отвечающая залихватным хохотом на все шутки мужа. Эта пара была живым олицетворением этой солнечной земли, такие заразительно веселые, что втроем на заднем сиденье было даже лучше, чем одному. Хорошей компанией поехали в заводской пансионат, который всю дорогу расхваливал балагур дядя Юра, если не травил анекдоты и не комментировал езду попутных и встречных водителей. Деление производилось на ездонов, куда входила большая часть, ездоков и редких ездоцев.

База отдыха располагалась неподалеку, в Героевке, на Черном море, что особо подчеркивал дядя Юра, явно ставя его выше жалкой пресной лужи – Азовского.

Действительность несколько поколебала напор и настрой дяди Юры. Видимо, он сам не ожидал, что, похожие на снятые с колес вагончики, душные, без каких-либо удобств домики с раскаленными стальными крышами, похожими на стиральную доску, расположены на необжитом и продуваемом голом берегу. Но дареному коню в зубы смотреть совсем необязательно, так что оставалось только радоваться. Солнце в выси и синее, а совсем не черное море, у самых ног, никто отменить не мог. Он тоже не понимал, какие еще нужны удобства, если есть где спать, – жаль только, что не на раскладушке, – и главное, совсем рядом бесконечно шумит и зовет теплое море, в котором, он надеялся, папа научит плавать.

Однако и тут вышла незадача. Недавний шторм перебаламутил воду и пригнал к пляжу такое количество мелких, как олады, белесых медуз, что мягко вспухающие спинами исполинских рыб волны серебрились склизкой чешуей. Этим гигантским рыбакам вполне достало бы жадности, чтобы проглотить своим хайлом любого взрослого. Даже такого высокого, как папа. Загорелые мальчишки, гасая по берегу и разбрызгивая ступнями беспрестанно набегающую пену прибоя, бросались медузами друг в дружку. И совершенно не боялись окаменеть под их ужасающим взглядом. В ладонь маленькие студенистые тельца можно брать, они обжигали только менее защищенное грубой кожей тело, когда с липким шлепком попадали в тебя. И глаза нужно беречь. Безбашенные игры недорослей женщины не одобрили, так что после полдника на расстеленной на песке скатерти, несколько раз раненной брызгами смешанного с семенами сока из огромных красных помидоров, – даже нарезанные ломтями, те были опасны, – мужчины пошли прогуляться к окопам.

В войну здесь с моря высаживался советский десант. Линия обороны захваченного бойцами плацдарма сглаживалась временем, заросшие травой окопы и воронки осыпались, исчезая, как затягивающиеся рубцы, но все еще были видны, хотя с войны прошло уже тридцать лет. Цепь земляных укреплений красноармейцев тянулась вдоль побережья, всего в сотне метров от воды. На эту узкую полоску тверди сверху, из слепящего зенита, распластав черные крыла и затеняя светило, заходили и падали в пике безжалостные железные птицы, и клевали жесткими клювами землю, стремясь попасть в горстку людей, и теряли свои железные перья, желая их больше ужалить. Дядя Юра с папой помогли, и, не имея лопаты и вообще каких-либо подручных средств, одними палками, подобранными на земле, они за полчаса отрыли дюжину разнокалиберных гильз, от больших, вроде из самолетных пулеметов, до обычных пулеметных и винтовочных. Дядя Юра даже нашел пару немецких автоматных. Бои шли и врукопашную, прямо в окопах. Оттого по этим холмам так много бессмертников. Эти росшие отдельными купами ярко-желтые цветы на высоких серых ножках при обилии соцветий все равно производили впечатление одиноких. Судя по названию, они вырастали на месте гибели людей. Каждый цветок – умерший человек. Единственная память. А папин папа погиб подо Ржевом. Дядя Юра рассказал, как его сын с другом нашли прямо на проселочной дороге неподалеку отсюда торчащий почти на всю длину из земли граненый острый штык. Ржавый металл так плотно сидел в многократно изъезженной колее, что ребята не смогли вырвать его без подручных средств. Возможно, он даже был на винтовке, потому и не поддавался. Взрослые отказались идти к находке – нужно было возвращаться в город, – как ошалевшие и возбужденные пацаны ни упрашивали. Дядя Юра рассмеялся. Где точно находится штык, он указать не смог. Только поводил головой. Здесь все перепахала война. Осколков вокруг вообще не счесть. Они даже не взяли их с собой. Кроме одного, зазубренного, с выбитыми на нем цифрами. Мама и так была недовольна и немного наругала за трофеи, но он упрямился оставить патроны. Правда, выковыривать из них спичками землю и мыть пришлось самому. Мама наотрез отказалась прикасаться к оружию.

Не пошла мама и купаться, после того как дядя Юра сообщил, что по всему побережью до сих пор находят нераззорвавшиеся бомбы и снаряды. Но редко, уточнил он, увидев испуг в ее глазах.

Дядя Юра организовал лодку. И настоящие мужчины на веслах вышли в море за провиантом, ловить рыбу. Если не встретится более крупной дичи.

Акулы там или огромные черепахи. Надо же было обеспечить пропитанием женщин. Тетя Лида с мамой остались на берегу, ждать и надеяться на улов. Мама строго-настрого наказала папе следить за сыном, тот обещал, потрепав его вихрастую бело-брысую голову.

Первым делом дядя Юра, ныряя, голыми руками надрал черных мидий. Эти дары моря лепились к обросшим женскими юбками мохнатых зеленых водорослей опорам далеко уходящего на глубину пирса. То ли снесенного бурей, то ли разрушенного в войну. Очень вкусные ракушки, убеждал всеядный дядя Юра, поддевая ногтем и легко раскрывая черные створки. Папа побрезговал есть моллюсков сырым, но не стал ему запрещать. И они вдвоем с дядей Юрой, сидя на банке, а никак не на лавке, и в шлюпке, а не в лодке, на траверзе Героевки, в открытом море, что было очень по-рыбацки, съели по нескольку штук. После того как дядя Юра выковырял выводящую отходы перерабатываемых водорослей часть овально плоского тельца мидий. Даже солить их не нужно, они и так жили в рассоле.

Сначала на банке – уже на песчаной отмели – ловили обычных, песочного цвета бычков, используя для наживки все те же, трудно насаживающиеся на крючок, недоеденные мидии. Ловля шла на закидушки, проще сказать, на смотанную на дощечку леску с несколькими крючками на конце. Снасть перекидывали за борт, стравливали и, держа натянутой через указательный палец, ждали поклевки хитрой головастой рыбешки. Пара мелких не удовлетворила азарт, посему снялись с якоря и ушли дальше от берега. На камнях водились бычки-кочегары, черные, как уголь. Папе и дяде Юре везло, а ему, как неопытному салаге, никак не удавалось поймать даже хамсу, тюльку или кильку. Так что дяде Юре пришлось захотеть освежиться и насаживать под водой на крючки его закидушки предварительно взятых из улова бычков, сразу по два. Он заметил, хоть и не сразу, эту уловку дяди Юры, но тот сказал, что повинную голову меч не сечет, и попросил прощения. Однако испытать возбуждение вытаскиваемой самолично, трепыхающейся в воздухе рыбы удалось. Тем более что дядя Юра убежденно твердил, что подправил его рыбалку только после долгого перерыва в клеве.

На обратном ходу в гавань другое происшествие заслонило выходку папиного друга. Дядя Юра спас утопающего. Это произошло так быстро, что они с папой не успели даже понять, что случилось. Позже он только припоминал искаженные в беззвучном крике лица женщин в лодке неподалеку, стран-

ное молчаливое барахтанье взрослого мужчины, вздувавшего нелепо махать руками и плескаться в одиночку. Неожиданно дядя Юра прыгнул в волны, подхватил захлебнувшегося человека, оказавшегося, что почему-то отметилось, в узких голубых плавках с нависающим на них животом, перевалил с помощью папы через борт и, надавливая мужчине на спину, добился, чтобы из его рта полилась вода. Когда пьяный толстый мужик очухался и его знакомые неумело, кругами подгребли вплотную, несостоявшегося утопленника пересадили к ним в лодку. Ни спасенный, ни его подруги, от скоротечности события или от испуга, даже не поблагодарили дядю Юру.

Женщинам решили не рассказывать о спасении на водах, чтобы не пугать. А то некоторых так в море вообще не затянешь. Папа, конечно, имел в виду трусику маму.

У свай несуществующего пирса еще раз задержались для придания добыче необходимого объема, и дядя Юра, углубляясь подолгу под воду, набрал приличную гору мидий.

Ужаснувшись от героической истории с поеданием мидий сырыми, мама недоуменно посмотрела на дядю Юру, когда тот объявил, что приготовит из ракушек блюдо, достойное лучших ресторанов побережья. Причем без всякой помощи слабого пола. Тетя Лида шутливо отмахнулась.

Колдуя, как заправский повар, и действительно отстранив женщин от стряпни, дядя Юра приготовил мидий вареными в казане на костре, дополнительно начинив рисом, морковкой и специями. Мама отказалась есть эти раковины. Оказывается, те, пропуская через себя литры воды за день, питались мертвыми остатками всех организмов, умирающих в море. Но и водорослями, ради справедливости уточнил дядя Юра. В общем, мама обошлась вкусными, похрустывающими на зубах бычками, которых с тетей Лидой вдвоем пожарила на сковородке.

Окончание праздника морских даров проходило при все усиливающемся ветре. Погода портилась на глазах. С моря из наползающей одеялом черной тучи опять заходил шторм, так что решили уезжать, не оставаясь ночевать. Чтоб не быть унесенными в Турцию прямо в отведенном на ночлег домике. Папа с дядей Юрой по дороге в город захотели заехать по каким-то делам на завод, так что удалось упросить отправиться в Керчь на катере, который болтался на волнах у берега. С мостика матрос в рупор зазывал отдыхающих на борт. Обещая через двадцать минут доставить в Керчь. Странно, как мама согласилась на это плавание. Когда крупные

капли дождя уже косо резали воздух, впиваясь в незащищенную плоть, по зыбкому трапу с вантовыми висячими перилами он с женщинами взмог на борт, чтобы тут же спуститься лесенкой внутрь, в салон.

Притихшие пассажиры сидели на низких лавках глубоко под водой друг против друга спинами к бортам. Так что видеть происходящее снаружи можно было только в иллюминаторы напротив. Наверху быстро синело, почти до черноты. Временами казалось, катер, натужно ревя моторами, окончательно уходит на добычу могучему морскому царю. Посудина рыскала носом и валилась на стороны, проваливаясь в ямы. Однако льющиеся на стекла потоки, вперемешку, от ливня и разбиваемых волн, говорили о том, что они еще борются со стихией, не поддаваясь затягивающей на дно чудовищной силе. Этот шторм по пути в Керчь напугал всех пассажиров, бледные лица выдавали состояние людей. Однако никто не плакал, даже дети. От сильной качки и рывков катера, когда тот вырывался из цепких объятий толщи воды и падал с гребня волны в очередную жуткую пучину, его мutilовало.

Слабый отголосок этого состояния он чувствовал, когда пил воду в городе. Запах и привкус сероводорода чувствовался даже в сладком и ароматном газированном лимонаде.

По прибытии – они действительно добрались до Керчи, правда, за полчаса, но живыми, честно сказать, едва, – уже дома у дяди Юры с тетей Лидой выяснилось, что он, папа и дядя Юра отравились шпротами. Одна банка которых, будучи вскрытой на перекус в трюме парома, была подъедена бравыми мужчинами во время обеденного пиршества в Героевке. Правда, мама была уверена, что интоксикация организма произошла не от испортившихся на жаре консервов, а от поедания мидий. Даже приготовленных, не говоря о сырых. Нестыковка была явной, ведь тетя Лида, не говоря о самой маме, тоже не заболела. А она, как и папа, не ела мидий сырыми. Так что мама нехотя признала, что те, должно быть, ни при чем. Но чувствовалось, что она осталась при своем мнении. Тем более зная рацион этих ракушек.

Несколько дней прожили у дяди Юры с тетей Лидой. В трехкомнатной квартире было достаточно места, их дети были в пионерском лагере. Непонятно только зачем отправляться куда-то на отдых, когда море в десяти минутах ходьбы. Он обгорел, и в один из дней так сильно, что мама мазала плечи и спину сметаной, а он бегал по комнатам, создавая встречный ветерок, чтобы охладить разгоряченное тело. Мама даже градусник ставила, качала головой и вздыхала. Но все обошлось, только через время он

стал терять кожу, лоскутами обдирая сухие белые лохмотья.

Дни они семьей проводили на море. А в выходной к ним присоединились дядя Юра и тетя Лида. Неугомонный дядя Юра тут же порешил, что пригостит уху прямо на пляже. Это там, где лежат отдыхающие, костров разводить нельзя, а под самым забором они никому не мешают. Кстати, купаться здесь тоже запрещено – и ничего, вон сколько народу. Место они выбрали у самой бетонной стены, условно ограждавшей расположенный позади судоремонтный завод, на котором трудился электриком дядя Юра. В один из проломов дядя Юра и отправился с кастрюлей, набрать воды. Мама не пустила с бедовым ухарем – наверное, специалистом по ухе, – дядей Юрой. Юшка же получилась знатной, присёрбывалась смачно. Рыба, правда, была покупной, слегка язвила тетя Лида. Но ничего, главное, навар удался. Рыбки были такие вкусные, что обглаживались и обсасывались до белых скелетиков. Соседи ловили запахи расширенными ноздрями.

После того как дядя Юра сообщил, что младший сын часто находил на пляже деньги, однажды даже часы золотые и цепочку, он перевернул и перекопал руками кубометры, но никакого клада не попалось. За исключением всякого мусора. Люди теряли ценности, переодеваясь, и потом, если вовремя кидались за пропажей, часто не могли отыскать их в песке. Валерка просеивал песчинки мелкой рыбацкой сетью, которую специально приносил из дому. Кстати, Ленка до сих пор носила часики. Валерка подарил сестре на день рождения.

На следующий день, в воскресенье, в городе ожидался большой праздник – день Нептуна. Больше на потеху отдыхающих, местные чтили день рыбака.

Утром в предвкушении торжества прогулялись на рынок. Развалы рыбы зазывали, но его больше всего влекли варенные розовые креветки. В кульках, свернутых фунтиком из газет, бабки продавали по полтиннику на каждом углу и раньше, но лишь сегодня, по случаю ли праздника или при тете Лиде, мама разрешила купить вкусных, легко очищающихся рачков.

День Нептуна разочаровал. Самого подводного царя олицетворял лохматый и бородатый старик в короне, плавающих и водорослях. Под звуки маршей из репродукторов, разъезжая туда-сюда вдоль увешанной флагами набережной на моторке, поддерживаемый под руки матросами дед потрясал трезубцем, похожим на большой гарпун для подводной охоты, и разбрасывал извлекаемые из мешка ракушки и мишуру. Приличного размера раковина приле-

тела в плотную толпу и попала зазевавшейся женщине по соседству в голову, да так неудачно, что у нее из-под волос на лоб потекла кровь.

Ему не повезло, и раковина досталась тем, кто стоял ближе к происшествию. Уже в Русской Маме папа сплавал саженьками к самой дальней отмели, где зарождались первые волны, и достал ему со дна большого рапана, в глубине которого всегда шумело море, даже когда они вернулись к себе домой, на север.

Тогда, на празднике, дядя Юра и предложил родителям ключи, по его словам, позыченные у знакомого, от дома в дачном поселке, который, смакуя во рту звуки, называл Русская Мама. При этом тетя Лида каждый раз уточняла, что это теперь Курортное. А дядя Юра неизменно прибавлял, что там обязательно понравится, на что тетя Лида согласно кивала и улыбалась приятным воспоминаниям.

Последнюю летнюю неделю перед отъездом домой в Пермь можно было уединенно провести на море. Ничего не делая, ни с кем не общаясь, загора и купаясь.

И вот теперь они уезжали после всего лишь одного-единственного дня восторга от пребывания в Русской Маме.

Действительно, совершенно непонятно, как можно было добровольно покинуть столь притягательное место. Как магнитный железяк, который случается в природе, по словам папы. Нашли они с ним на склоне всего лишь бурый, но тот тоже очень полезен. Из него извлекают железо. А с виду камень и камень, только рыжий, как дядя Юра. Но здесь вся почва такая, от обилия железа.

На первый взгляд, ничего, по сути, необыкновенного им не открылось. Солнце, степь, песок, жесткая трава, пробивающаяся на поверхность, несмотря на сухую глинистую корку, теплое море и тишина, шуршащая желтыми песчинками при каждом дуновении легкого ветерка.

После голой, поросшей выжженной солнечными лучами травой, земли разом появилось показавшееся издали голубым Азовское море. Машина выехала на гребень холма, папа притормозил, и они радостно затормозили так и не развеселившуюся до их возбуждения маму. Протяжная бухта со спокойной гладью, совершенно без барашков, пугающих маму, лежала перед ними, доступная к охвату одним взглядом. К вогнутому берегу долго катились высокие и невысокие валы волн, мягко зализывая песчаный берег, где лепились домики, теснясь к воде.

Плывать он не умел, пока так и не научился. И мама, опасаясь за него, настрого запрещала захо-

дить далеко. А уж без папы и вовсе нельзя купаться. Оттого он катался на мелководе на длинных, серых и теплых волнах неглубокой бухты, вытягивая перед собой лыжами руки. И при каждом возвращении махая приветственно маме, оставшейся сидеть на полотенце и улыбающейся ему всякий раз, когда их глаза встречались. Он же прискоком отбегал в море, чтобы вновь поймать волну при начале зарождения и подольше проехаться на ее вспухшем бледно-зеленом живом теле до самого песка. Папа страховал, барражируя разными стилями плавания и отсекая его от темной глыбы.

Неподалеку худосочный парень гонялся за смеющейся взахлеб девушкой и, наконец догнав, попытался подкинуть в воздух. И папа, заскучав от однообразных перемещений в детском лягушатнике, включился в их игру, вызвался помочь парню выбросить девушку повыше к небу. Та начинала смеяться, еще только забираясь на сплетенные в замок мужские руки, от предвкушения того, как, вытянувшись вперед, вонзится узкой рыбкой в воду и вынырнет в десятке метров от восторгающих ее грацией мужчин.

Наблюдая за заразительно увлекающимся папой, он шагами сместился в море, к самому началу образования высокого гребня. Дождался девятого, и ему удалось оседлать медленно вспучивающийся горб. Его стремительно понесло к суше, однако вал волны, захлестнутый отхлынувшей от берега подругой, опал вдалеке от пенистого уреза воды, и он не успел твердо встать на ноги, как его тряпичной куклой понесло обратно. Сбитый лавиной едва соленой жидкости, он захлебнулся, попытался неловко грести в водовороте, но не смог преодолеть напора буруна, – его неотвратимо тащило на глубину, куда возвращалась живая вода, чтобы вновь обрести желание взять приступом такой далекий берег. Отчаянно барахтаясь, он вытягивал шею, чтобы увидеть свет, а не мутную, пузыристую воду, которая затекла в рот и ноздри. Старался удержаться на мелководе, но тщетно, его неотвратимо тащило от не обращающих на него внимания радостных в своих забавах людей. Наконец, из последних сил выпрямился, и ему удалось зацепиться кончиками пальцев ног за дно, покрытое уже мелкими камнями. И устоял при последнем втягивающем дыхании волны, теряя свое, полностью накрытый пологом воды, выгнутый дугой, стремясь всей душой к маме, когда ноги, едва цепляющиеся за грунт, и руки, короткими толчками отбрасывающие воду, оставались уже позади тела. Почувствовав затишье во вдохе моря, он вырвался из затягивающейся петли и, теряя по-

следние силы, погреб к берегу, помогая ногами, зарывающимися в песок. Боясь показаться на глаза родителям, он, отплываваясь, отдышался на мелководье. Волны били в дрожащие колени, бросая на песок, но он неизменно вставал, не давая подумать, с ним что-то случилось, и поглядывал на маму с папой, которые стояли друг против друга, разделенные мягким полотенцем, и о чем-то возбужденно разговаривали. Вернее, говорил папа, как всегда жестикулируя, когда бывал чем-то недоволен, а мама стояла молча и смотрела в сторону, закусив верхнюю губу.

Он не знал, что переживал папа, когда отлучился помогать незнакомому парню подбрасывать девушку. Вспоминал ли свое детство, или первую любовь, или маму. Не знал он, и о чем думала мама. О том ли, что папа мог бросить ее, или она огорчалась, что папа оставил его одного в непредсказуемом море.

Знал он только, что мама до паники боится того, что он может утонуть. Она еще очень сильно переживала свое возвращение из роддома без сестрички, которую ему обещали. И потому, наверное, держала около себя и его и папу, боясь тоже потерять.

Спрятав ключ в условленном месте под крыльцом, они покинули деревянную дачу, стоящую зарывшись прямо в песок.

В этом покинутом доме были скрипучие, некрашенные дощатые половицы, много плетеных тканых белых занавесочек с вышитыми той же нитью, только плотнее, рисунками, накидок на кроватях, подушках, тумбочках, гнутых стульях. Соломка ковриком встречала желающего отдохнуть в плетеном кресле, суконные рогожки и рядна покрывали сундуки с неведомыми сокровищами, вывезенными с далеких островов. На стенах не висело фотографий, и оттого нельзя было представить людей, бывавших здесь. Но отчего-то казалось, что если бы фотографии были, то их было бы много, на всех стенах, черно-белых снимков в узких блестящих, похожих на начищенный алюминий, рамках. Незнакомая семья, поодиночке, парами и группами, неизменно бы улыбалась. В этой застывшей жизни, непонятой и неведомой, но такой привлекательной, что это невозможно было выразить словами, хотелось, никогда ее не оставляя, пребывать, вместе со стрекотом сверчка, жужжанием жука, скрипами и шорохами. Охватывало желание погрузиться в вечно текучее стоячей волной время, слиться с теплыми, затхлыми запахами тлена и пыли, с присвистом ветра за маленькими окнами, со звяканьем стекол, с покачиванием ветхих стен, словно бортов парусного судна, стоящего на якоре в крошечный шторм и выдержавшего все удары и сполохи стихии.

Как приятно было бы лежать в постели и слушать наступающую ночь. Неизбывный шум набегающих волн, продолжающихся на суше сеющими поземкой желтыми песчаными разводами, такими глубокими, что утопают ступни, которые легко порезать о жесткие стебли изредка пробивающейся из песка колючей травы.

Ему не хотелось отсюда уезжать. И не потому, что нужно будет идти в школу. В первый класс он как раз хотел.

Папа накрыл ладонью мамину руку, лежащую на колене, и она не отняла ее. Папе пришлось убрать свою руку лишь на крутом повороте, когда он крепко и надежно взялся за рулевое колесо.

Незаметно для родителей, наблюдая за ними с заднего сиденья автомашины, он грустил, продолжая всматриваться в океан бурой степи, неотвратимо съедающей синеву моря, так что скоро лишь бездонная голубизна безоблачного неба будет напоминать о водной глади. Как же хотелось слиться с ней, стать ее частицей и скользить в толще этого единства.

Он надеялся, что когда-нибудь возвратится, чтобы снова пережить непередаваемое словами чувство сопричастности и проникновения в иной мир. Хотя уже и понимал, что это до конца невозможно. Ведь ничто не стоит на месте, и второго раза, повторяющего первый, не бывает. Все меняется, и мы меняемся, только какие-то главные, глубинные связи в нас неизменны.

Вскоре впереди покажется паром с разверстой пастью, готовый неустанным проводником перевезти на другой берег и возвратит их на обратный путь — домой.

